

Ланг Петр Петрович

д-р юрид. наук, доцент, профессор
ФГАОУ ВО «Самарский государственный
экономический университет»
г. Самара, Самарская область

DOI 10.31483/r-154621

**АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ «ЦИФРОВОГО СЛЕДА»
И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЭТИКИ ЮРИСТА:
МОДЕЛИ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОРРЕКЦИИ
В УСЛОВИЯХ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ**

Аннотация: в статье исследуется вопрос феномена аксиологического конфликта между спонтанным формированием «цифрового следа» и императивами профессиональной этики юриста в условиях цифровой трансформации высшего образования. Автор анализирует теоретическое противоречие между аксиологическим и деонтологическим подходами к регулированию поведения в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также концепции цифрового гуманизма, подчеркивающие необходимость сохранения человеческого измерения в профессии. В качестве решения предлагаются модели педагогической коррекции, основанные не на запретительных мерах, а на смысло-ориентированном обучении, рефлексии и личном примере преподавателя. Обосновывается необходимость проектирования цифровой среды образовательной организации как пространства формирования целостной профессиональной идентичности будущего специалиста в области права.

Ключевые слова: юридическое образование, профессиональная этика юриста, цифровой след, педагогическая коррекция, университетская цифровая среда, цифровой гуманизм, ценностные ориентации, деонтология.

Современное высшее юридическое образование переживает период сложной трансформации, вызванной не столько технологическим обновлением, сколько глубинными антропологическими сдвигами. Внедрение цифровых

инструментов в учебные процессы и профессиональную коммуникацию формирует новую реальность, где традиционные представления о границах профессионального поведения размываются с пугающей быстротой.

Особую остроту этому процессу придает то обстоятельство, что студенчество, будучи наиболее восприимчивой к инновациям социальной группой, осваивает цифровое пространство интуитивно, нередко в отрыве от тех ценностных ориентиров, которые составляют фундамент юридической профессии. Цифровой след, возникающий как неизбежный результат присутствия в сети, перестает быть нейтральным техническим артефактом и превращается в поле напряженного противостояния между свободой самовыражения и профессиональной состоятельностью. Для юриста, чья деятельность немислима без общественного доверия и безупречной репутации, это противостояние приобретает экзистенциальный характер [1]. Университетская среда, призванная готовить не просто квалифицированных, но и нравственно состоятельных специалистов в области права, оказывается перед необходимостью педагогической коррекции этого конфликта. Без продуманных моделей вмешательства формирующийся специалист рискует усвоить опасный стереотип о разделенности своего виртуального и профессионального «Я», что в перспективе подрывает саму идею целостности личности юриста.

Осмысление заявленной проблемы требует обращения к нескольким взаимосвязанным научным традициям. В первую очередь, это теория профессиональной этики, где традиционно разграничиваются аксиологический и деонтологический подходы к регулированию поведения. Аксиологический подход, как убедительно показано в исследованиях Т.М. Лопатиной [2], ориентирует на идеалы и высшие ценности профессии, формируя образ должного, к которому следует стремиться. Деонтологический подход, напротив, выстраивает систему конкретных запретов и предписаний, очерчивая низшую границу допустимого. Применительно к поведению юриста в цифровой среде приведенные подходы вступают в очевидное противоречие: аксиологическая установка требует от будущего адвоката или судьи безупречности даже в «частных сетевых коммуникациях», тогда

как деонтологическая логика оставляет за ним право на приватность, ограниченную лишь прямыми нарушениями. Как следствие, данное теоретическое противоречие проецируется в плоскость педагогики, где воспитание ценностей сталкивается с прагматикой освоения цифровых компетенций.

Другим важным концептуальным источником выступают исследования цифрового гуманизма, настаивающие на принципиальной неустранимости человеческого измерения из профессиональной деятельности. Критики «вульгарного технологизма», среди которых выделяется Б.В. Марков [3], справедливо указывают, что координаты цифрового гуманизма далеко не всегда совпадают с ориентирами образовательной системы, восходящими к лучшим отечественным университетским традициям. В этой логике цифровизация юридического образования не должна превращаться в самоцель, подчиняющую себе ценностно-смысловые основания профессии. Более того, как утверждает Г.В. Алексеев [4], сама постановка вопроса в духе цифрового детерминизма представляется глубоко чуждой гуманистической природе права. Функционирование искусственного интеллекта и человеческого мышления различаются фундаментально: человек оперирует не столько информацией, сколько впечатлениями от нее, что делает невозможной полную формализацию профессионального поведения юриста.

Особого внимания заслуживает концепция интеллигенции как носителя традиционных ценностей в условиях цифровой реальности, разрабатываемая П.Д. Симашенковым [5]. Интеллигентность в этом контексте выступает не социальным статусом, а особым качеством, позволяющим транслировать ценностно-смысловые основания профессии вопреки давлению глобального потребительского общества. Формирование такого качества в стенах университета требует целенаправленных педагогических усилий, ориентированных не на адаптацию человека к опциям нейросетей, а на облагораживание гуманизмом самой информационной среды. Важно подчеркнуть, что юридическая профессия в этом смысле является индикаторной: от ее нравственной состоятельности зависит судьба правопорядка в целом, а значит, педагогические модели здесь должны обладать особой надежностью и обоснованностью. Исследователи, работающие в

русле психологических аспектов юридического образования, также подчеркивают, что цифровая реальность формирует новые риски для ценностной сферы будущих юристов, требуя специального педагогического внимания.

Из изложенного выше следует, что аксиологический конфликт цифрового следа и профессиональной этики юриста не является локальным затруднением, которое можно устранить разовыми методическими рекомендациями. Речь идет о системном противоречии, укорененном в самой природе современного информационного общества. С одной стороны, цифровой след возникает спонтанно, часто помимо воли субъекта, и живет по законам сетевой коммуникации, где действуют иные нормы, нежели в профессиональном сообществе. С другой стороны, профессиональная этика юриста предполагает высокую степень рефлексивности и контроля над собственным поведением, требуя от специалиста осознания того, что любой его публичный жест может быть интерпретирован как профессионально значимый. Парадокс заключается в том, что приватное и публичное в цифровой среде перестают быть различимыми: комментарий в дружеском чате, оставленный десять лет назад, способен всплыть в момент обсуждения кандидатуры на судейскую должность.

Университетская цифровая среда не просто отражает этот конфликт, но и усугубляет его. Студенты, погруженные в образовательный процесс, неизбежно оставляют множество цифровых следов: от учебных работ в системах антиплагиата до «постов» в социальных сетях, упоминающих университет. Формально эти следы принадлежат разным сферам, но содержательно они формируют единый образ будущего специалиста. Проблема в том, что педагогическое сопровождение этого процесса практически отсутствует. Дисциплины, связанные с профессиональной этикой, зачастую преподаются в отрыве от цифровых реалий, а вопросы поведения в информационно-телекоммуникационной среде Интернет отдаются на откуп либо техническим специалистам, либо вовсе игнорируются. Как подчеркивает В.А. Ляхов [6], юридические коллизии и этические вопросы использования цифровых технологий требуют специального осмысления именно в контексте профессиональной подготовки. Возникает опасный разрыв:

ценностные основания профессии транслируются в аудиторном формате, тогда как реальное поведение формируется стихийно, под влиянием сетевой культуры, далекой от профессиональных идеалов. Педагогическая коррекция, таким образом, должна быть направлена не столько на запреты и ограничения, сколько на восстановление утраченной целостности личности будущего юриста, для которого профессиональное и личное не противостоят, а взаимно дополняют друг друга.

Корни этого разрыва лежат и в возрастной психологии самих обучающихся. Студенческий возраст (период поздней юности) характеризуется завершением формирования идентичности, поиском социального признания и экспериментированием с самопрезентацией. Цифровая среда становится для молодых людей идеальным полигоном для таких экспериментов: здесь можно примерить разные маски, получить мгновенную обратную связь в виде «лайков» и комментариев и при этом сохранить иллюзию контроля над впечатлением о себе. Психологи называют это «мораторием идентичности» – правом на пробу и ошибку без окончательных последствий. Однако, коварство цифрового следа заключается в том, что он лишает этот мораторий его главного условия – права на забвение. Психологический конфликт возникает тогда, когда спонтанный юношеский поступок («эпатажный мем», неосторожное высказывание в перепалке, демонстрация «взрослой» жизни с бокалом) фиксируется навсегда и вступает в противоречие с формирующимся профессиональным «Я». Студент оказывается застигнут врасплох собственной историей. Педагогическая коррекция, учитывающая этот психологический механизм, должна быть направлена не на подавление юношеской спонтанности (что бесполезно и вредно), а на помощь в интеграции разрозненных образов «Я» в целостную личность, где профессиональное достоинство становится внутренним стержнем.

Преодоление описанного конфликта требует пересмотра устоявшихся педагогических методик. Представляется глубоко ошибочным путь ужесточения контроля за цифровым поведением студентов, поскольку внешние запреты, не подкрепленные внутренним принятием ценностей, ведут лишь к искажению и

удвоению личности. Более продуктивным выглядит смещение акцента с нормативного давления на смысло-ориентированное обучение, предполагающее глубокое погружение в ценностные основания профессии через исследовательскую и проектную деятельность. Как отмечает П.Д. Симашенков [5] в своих работах, посвященных цифровому гуманизму, когда студент не просто заучивает этические принципы, но открывает их для себя в процессе самостоятельного осмысления реальных профессиональных дилемм, возникает то самое внутреннее убеждение, которое способно регулировать поведение и в неочевидных ситуациях цифрового общения.

Применительно к университетской цифровой среде это означает необходимость создания особых педагогических ситуаций, в которых проблема цифрового следа становилась бы предметом рефлексии, а не технической рутины. Например, включение в учебные планы задач на этический анализ реальных случаев дисциплинарных производств в отношении юристов, связанных с их поведением в сети, позволяет будущим специалистам прожить эти коллизии в безопасной образовательной среде. Важно, чтобы такие задачи не имели однозначных решений, а предполагали дискуссию, в ходе которой оттачивается способность к нравственному суждению. Педагогическая коррекция в данном случае выступает не как исправление уже допущенных ошибок, а как превентивное формирование иммунитета к тем упрощениям, которые неизбежно предлагает цифровая среда.

Особую роль в этом процессе играет фигура самого преподавателя, выступающего носителем профессиональных ценностей. В условиях, когда студенты получают огромный объем информации из сети, функция педагога смещается от трансляции знаний к демонстрации способов ценностно-осмысленного поведения в цифровом мире. Преподаватель, который открыто обсуждает со студентами границы своей цифровой приватности, мотивы тех или иных публикаций или отказа от них, становится живым примером того, как можно сохранять профессиональное достоинство в сетевой коммуникации.

Наконец, университетская цифровая среда сама должна проектироваться с учетом воспитательной функции. Иными словами, технические решения,

платформы и сервисы, используемые в образовательном процессе, не могут быть нейтральными инструментами. Они должны создавать условия для формирования профессиональной идентичности, в том числе через ограничение анонимности, поощрение ответственной коммуникации и прозрачность правил. Безусловно, такой подход требует отказа от упрощенных представлений о цифровизации как о чисто техническом процессе, и признания того, что любая цифровая среда всегда уже содержит в себе определенную этику, которую необходимо делать предметом осознанного педагогического проектирования.

В завершении настоящего исследования отметим, что аксиологический конфликт цифрового следа и профессиональной этики юриста представляет собой одну из ключевых проблем современного юридического образования, требующую безотлагательного педагогического осмысления. Спонтанность и тотальность цифрового присутствия вступают в противоречие с рефлексивностью и профессиональной деятельностью, составляющими основу профессионального этоса юриста. Университетская цифровая среда в силу своей специфики не может оставаться нейтральной к этому противоречию; она либо усугубляет его, либо становится пространством его продуктивного разрешения.

Педагогическая коррекция в этой области не должна сводиться к запретительным мерам, эффективность которых в цифровой среде крайне невысока. Подлинное решение лежит в плоскости смысло-ориентированного обучения, возвращающего будущему юристу способность к ценностной рефлексии собственного цифрового поведения. Только через внутреннее принятие профессиональных идеалов, а не через внешнее следование правилам, по мнению автора публикации, возможно формирование целостной личности, для которой разделение на виртуальное и реальное, личное и профессиональное перестает быть источником конфликта.

Список литературы

1. Орлов А. Адвокатура и интернет: о подготовке проекта Рекомендаций ФПА РФ относительно поведения адвокатов в социальных сетях и блогосфере / А. Орлов // Адвокатская газета. – URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/advokatura-i-internet/> (дата обращения: 03.03.2026).

2. Лопатина Т.М. Аксиологический аспект права в условиях цифровой реальности / Т.М. Лопатина // История государства и права. – 2024. – №1. – С. 17–22. DOI 10.18572/1812-3805-2024-1-17-22. EDN MJKVSY

3. Марков Б.В. Мораль и право в цифровом обществе / Б.В. Марков // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. – 2022. – Т. 38. №4. – С. 512–524. DOI 10.21638/spbu17.2022.406. EDN XIFDRO

4. Алексеев Г.В. Метатеория и классификация цифровых прав и свобод человека / Г.В. Алексеев // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2024. – №2(20). – С. 24–36. DOI 10.22394/2686-7834-2024-2-24-36. EDN MFGQTD

5. Симашенков П.Д. Цифровой гуманизм и обучение студентов-юристов / П.Д. Симашенков // Концепт. – 2025. – №4. – С. 187–201.

6. Ляхов В.А. Юридические коллизии и этические вопросы использования цифровых технологий / В.А. Ляхов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2024. – №5. – С. 167–171. DOI 10.37882/2223-2974.2024.05.24. EDN RQLFKW